

Смысловая структура посессивно-метонимических слов со вторым компонентом – *kopf*

В русском языке довольно часто нам встречаются названия человека по части тела или предмету одежды, например: «Свинкин *ветренная голова*. Иногда черт знает, какие тебе итоги выведет, перепутает все справки... (Гончаров, Обломов)» или «И обратился комиссар к Фесенко: – Понимаешь, *дубовая голова*, что ты наделал? (А. Первенцев. Честь смолоду)» [4, с. 111, 112]. В немецком языке подобное явление также имеет широкое распространение, но по сравнению с русским употребляется, в основном, с детерминатами (свободными и в составе сложных слов): *Glatzkopf, Schlaukopf, Schreihals, Blondkopf, Diebsgesicht, Sauermaul, Langbein, Schlafmütze* и др.

Сложные слова со вторым компонентом названиями частей тела или предметов одежды семантического поля «человек» относятся к группе сложных слов, которые называют экзоцентричными, посессивно-метонимическими словами или бахуврихами. Они служат для обозначения человека по характерному признаку, который лежит в основе этих слов, например, *Leichtfuß* это не 'leichter Fuß', а 'ein Mensch, der leichte Füße hat' т. е. 'ветренный, легкомысленный человек; повеса'. Здесь мы наблюдаем один из видов метонимического переноса, разновидность синекдохи, так наз. *pars pro toto* (перенос части на целое).

Одними исследователями посессивно-метонимические слова противопоставляются определительным и копулятивным композитам. Другие, например, В. Фляйшер, причисляют их к определительным композитам, указывая, что такие слова ничем не отличаются от них по своим синтаксическим внутренним отношениям [1, с. 106-107]. Например, синтаксические внутренние отношения между компонентами слов *Dickmilch* и *Dickkopf* совпадают, в обоих случаях первый компонент определяет второй. Что касается синтаксических внешних отношений и денотативных отношений, а именно то, что в первом случае денотат содержится в главном слове (*Dickmilch* = *Milch*), а во втором остается вне сложного слова (*Dickkopf* ≠ *Kopf*), В. Фляйшер считает, что это не столько вопрос словообразования, сколько употребления конструкций в предложении [1, с. 106]. В принципе, с обеими существующими позициями нельзя не согласиться. По структуре семантических отношений между компонентами посессивно-метонимические слова можно рассматривать как определительные композиты. Но нельзя не учитывать и экзоцентричный характер таких слов, благодаря которому им все же выделяется отдельный статус среди определительных композитов.

Многими исследователями отмечается, что посессивный характер подобных композитов заключается в превращении существительного в прилагательное и в выполнении таких сложных слов своеобразной вторичной семантической функции прилагательного. В свою очередь в выполнении этой вторичной семантической функции содержится существенное различие между эндоцентричными и экзоцентричными композитами [3, с. 126]. Если имя существительное, лежащее в основе второго компонента, обозначает через символ признака не лицо, а непосредственно саму часть тела, предмет одежды, то в таком случае сложное слово превращается в эндоцентричное. Так, слово *Spitznase*, имея значение, 'die spitze Nase' является эндоцентричным композитом, а в значении 'der eine spitze Nase besitzt' – экзоцентричным. В данном случае значение слова определяется в контексте.

Посессивный характер экзоцентричных композитов проявляется также в том, что слова, лежащие в основе второго компонента, относятся к определенной семантической группе. Они, как было уже сказано выше, обозначают предметы одежды или частей тела или какие-либо другие предметы, которыми можно обладать.

Некоторые экзоцентричные композиты могут быть многозначными. Слово *Spitzhut* служит для обозначения духовника, предателя, генерала, гриба и др. Но в любом случае данные слова, в первую очередь, обозначают признак, которым обладает тот или иной объект: 'der einen spitzen Hut hat'.

Фактическим материалом нашего исследования послужили посессивно-метонимические слова, извлеченные из словаря немецкой разговорной речи Г. Кюппера [2]. Наибольшее количество лексических единиц содержит модель посессивно-метонимического словосложения со вторым компонентом *-kopf* (64 единицы). В самостоятельном употреблении слово *der Kopf* имеет следующие значения: 1) голова; 2) лицо (человека в определенной ситуации), например, *ein hochroter Kopf* 'покрасневшее от гнева [стыда] лицо'; 3) голова, ум (то же о самом человеке); память, например, *ein klarer [heller] Kopf* 'светлая голова, ясный ум'; *er ist ein findiger Kopf* 'он очень находчив'; 4) голова, душа, человек (как единица учета, при расчете и т. п.), например, *eine Familie mit vier Köpfen* 'семья из четырех человек'. Таким образом, слово *der Kopf*, кроме употребления этого слова для обозначения человека как единицы учета, обозначает также умственные способности, которыми может обладать человек. В некоторых случаях сложные слова со вторым компонентом *-kopf* могут быть как эндоцентричными, так и экзоцентричными, например, *der Kahlkopf* 'der kahle Kopf' и 'der einen Kahlkopf hat'; *der Eselskopf* 'der Kopf eines/des Esels' и 'der einen Eselskopf hat' = 'er ist dumm'. Сложные слова со вторым компонентом *-kopf* служат для обозначения человека:

1) по его внешним качествам при основах прилагательных и редко существительных: *Blondkopf* (=der einen Kopf mit blondem Haar hat), *der Lockenkopf* (=der einen Kopf mit lockigem Haar hat). Особенностью композитов этой группы является их экзоцентричность при обозначении лица и эндоцентричность при обозначении головы как части тела по ее качеству: *der Braunkopf* ('der einen Kopf mit braunem Haar hat' и 'der Kopf mit braunem Haar'). В некоторых словах в основе определительного компонента лежат имена существительные, которые определяют лица по одному из качеств, например, по цвету, которым эти предметы обладают: *der Semmelkopf* 'der einen Kopf mit strohblondem [weißem] Haar', *der Tintenkopf* 'Neger';

2) по его внутренним качествам, характерному поведению:

а) при основах существительных, обозначающих названия животных: *Eselskopf*, *Kalbskopf*, *Saukopf*, *Schafkopf*, *Sperlingskopf*. При этом в основу семантической модификации положены ассоциации о мыслительных способностях, повадках данных животных, например, воробей ассоциируется с короткой памятью *der Spirlingskopf* (der ein Spirlingsgehirn hat) 'ein vergesslicher Mensch'; теленок – с беспомощностью, наивностью *der Kalbskopf* 'dummer, ungeschickter Mensch' и т. п.;

б) при основах существительных, обозначающих предметы без семантического переосмысления их значений. Несмотря на то, что значение определительного слова не претерпевает переосмысления, сложное слово в целом имеет значительную степень затемненности значения. Особенностью является то, что участника коммуникации побуждают представить, какими качествами должен обладать человек – «владелец» определенной головы. Лежащие в основе определительного слова обозначения предметов или свойств по-разному модифицируют значения сложных слов: *der Eierkopf* (der einen Eierkopf hat) - определение человека по яйцеподобной форме головы. Возможно, форма головы характеризуемого человека и не является яйцеподобной. Слово *der Eierkopf*, употребляемое в отношении характеризуемого человека, может служить для обозначения как ограниченных умственных способностей этого человека, так и наличия у него большого ума – *der Eierkopf* '1. ein dummer Mensch; 2. wissenschaftlich gebildeter Intellektueller; weltfremder Intellektueller; 3. Besserkönnner'. Другим примером является слово *der Grindkopf* (der einen Grindkopf hat). В этом случае мотивация значения слова более прозрачна. Здесь производится характеристика человека через представление, как повлияло бы на его поведение наличие струпьев на голове: голова постоянно зудит, и это сильно раздражает человека. Таким образом, можно сделать вывод, что слово *der Grindkopf* служит для характеристики раздражительного человека – 'ein leicht gereizter, bosartiger Mensch'. В основе формирования значения некоторых сложных слов этой группы лежат фразеологические выражения, например, *der Frostkopf* 'Mensch mit sonderbaren Einfällen; Geistesgestörter' от Frost im Kopf haben 'begriffsstutzig sein, nicht klar denken können'; *der Drahtkopf* 'dummer Mensch' от Draht im Kopf haben 'nicht recht bei Verstand sein';

в) при основах имен существительных, которые являются многозначными в разговорном языке. В своем прямом значении эти слова обозначают конкретные предметы, а в переносном служат для обозначения абстрактных понятий, например, *der Käsekopf*. В основе определительного компонента лежит слово *der Käse* в значении 'Geschwätz, Unsinn'. *der Käsekopf* имеет значение 'der Käse (Unsinn) im Kopf hat' = 'dummer Mensch'. То же значение имеют слова *der Koks*, *der Quark*, *der Gips*, *das Blech*, и мотивируют значения слов *der Kokskopf*, *der Quarkkopf*, *der Gipskopf*, *der Blechkopf* и др. Употребление этих слов в качестве первых компонентов композитов для экспрессивной оценки внутренних качеств человека. Зная переносные значения этих слов, мы без труда определим и значения этих сложных слов;

г) при основах абстрактных имен существительных: *der Krawallkopf* 'Aufrührer', *der Fluskopp* 'zerfahrener, gedankenloser Mensch' (Flausen = törichte Gedanken) и др.

В основе определяющего слова может лежать имя прилагательное. Сложные слова этой группы могут обозначать человека не только по его внутренним качествам (*der Blödkopf* 'dümmlicher Mensch', *der Dummkopf* 'dummer Mensch', *der Hohlkopf* 'geistig uninteressanter Mensch'), но и по принадлежности к социальной группе (*der Spitzkopf* 'Polizeibeamter', *der Blaukopf* '1. Protestant; 2. Polizeibeamter'). В слове *der Blaukopf* в значении 'Polizeibeamter' **-kopf** обозначает не голову, а фуражку униформы полицейского, т.е. из части тела превращается в предмет одежды. Если слово употреблено в значении 'Protestant', то в основе значения первого компонента лежит не цвет фуражки, а цвет, ассоциируемый с протестантством. Таким образом, некоторые слова имеют несколько значений в зависимости от значения имени прилагательного, лежащего в основе определяющего компонента.

В основе определяющего слова могут быть глаголы или отглагольные существительные, которые обозначают типичное для данного человека поведение, привычку, например: *der Brummkopf* 'mürrischer Mensch' от *brummen*; *der Sabberkopf* 'Schwätzer' от *sabbern*; *der Rappelkopf* 'сумасброд, самодур; упрямец; сумасшедший' от *der Rappel* 'внезапное помешательство, приступ бешенства; дурь' или *rappeln, bei ihm rappelt es (im Kopfe, im Oberstübchen)* 'у него не все дома, у него винтика не хватает'. В некоторых случаях глагол или отглагольное существительное, лежащие в основе определительного слова, употребляются в переносном значении, что соответственно модифицирует и значение всего слова: *der Qualmkopf* 'Schwätzer' от *der Qualm* со значением 'leeres Gerede' или от *qualmen* со значением, 'Unsinn reden; leere Worte machen'.

Таким образом, проанализировав смысловые структуры посессивно-метонимических слов со вторым компонентом **-kopf**, мы можем сделать следующие выводы:

1. Сложные слова со вторым компонентом **-kopf** могут быть как эндоцентричными, так и экзоцентричными.
2. Посессивно-метонимические слова со вторым компонентом **-kopf** могут служить для обозначения человека по его внешним и внутренним качествам, характерному поведению.
3. Такие слова имеют значительную степень затемненности значения.
4. Значение таких слов можно выявить из контекста при условии знания переносного значения определительного компонента, а также обладая определенными фоновыми знаниями (история, традиции).

Список литературы

1. *Fleischer W.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1974. 364 S.
2. *Küpper H.* Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart; Dresden: Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung, 1987. 959 S.
3. *Morciniec N.* Zu den exozentrischen Wortzusammensetzungen // Beiträge zur Phraseologie - Wortbildung – Lexikologie: Festschrift für Wolfgang Fleischer zum 70. Geburtstag: R. Grosse, G. Lerchner, M. Schröder. Frankfurt/Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Peter Lang, 1992. S. 125–132.
4. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. Москва: Русский язык, 1986. 543 с.